

Федор Кузнецов

18+

VOZDOOH

ФОРМУЛА ОСОЗНАННОЙ ЖИЗНИ

Федор Кузнецов

Vozdooh

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56059770

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-05642-8

Аннотация

Федор Кузнецов, изобретатель трансформационной дыхательной практики “Формула жизни”, родился в г. Санкт-Петербург, а после развода родителей переехал с мамой в Данию. Предоставленный сам себе, Федор попадает в новой стране в бесконечные передрыги. Однако вскоре становится очевидно, что самый большой провал в жизни автора служит отправной точкой его осознанного пути. Находясь в состоянии глубочайшего финансового и психологического кризиса, Федору ничего не остается, как искать решение своих проблем альтернативными методами. Перепробовав массу всевозможных духовных практик на себе, Федор выводит определенную последовательность упражнений для дыхания – “Формулу жизни”, которая приводит его на путь счастья и материального благосостояния. Vozdooh – это книга-откровение. Предельная искренность Федора в описаниях своих неудач и опытов над собой обезоруживает, но именно это и заставляет поверить читателя в то, что “Формула” работает.

Содержание

Вместо предисловия	5
Пролог	6
Часть первая	13
Глава 1. Россия	13
Дом	13
Интернат	19
Первая поездка за границу	22
Переезд	27
Глава 2. Дания	31
Гетто	34
«Во все тяжкие»: моя лайт-версия	40
Конец ознакомительного фрагмента.	54

*Здоровье или болезнь, бедность или богатство, любовь
или одиночество –
все это лишь отражение того, что творится в твоей го-
лове*

Вместо предисловия

Я родился в питерской коммуналке, вырос в датском гетто, а потом оказался в доме, из окон которого был виден Букингемский дворец.

С девятнадцати до тридцати шести лет меня мучили постоянные боли в ноге и спине. Врачи говорили, что это навсегда, но вот уже несколько лет, как я здоров.

Я мыл посуду и выгребал жир из сточной трубы в лавке мясника. Чинил компьютеры и строил ангары. Я провалил стартап стоимостью в несколько миллионов евро и десять лет был личным ассистентом российского олигарха. А теперь я «продаю воздух». Да, тот самый, которым мы дышим. Как я это делаю и что это значит? Я все расскажу в этой книге.

То, о чем я только мечтал, однажды стало моей реальностью. Я попал в сказку, и я не перестаю это повторять. У меня нет никаких золотых рыбок, говорящих шук и прочих атрибутов исполнения желаний, я нашел кое-что покруче, но оказалось, что оно всегда было со мной.

И я хочу поделиться своими открытиями.

Пролог

В феврале 2016 года я чуть не утонул в собственной ванне. Я потерял сознание на несколько минут. Или несколько секунд? Я не знаю точно, но, когда я очнулся, слова, которые я повторял без остановки до того, как потерял сознание, уже повторяли себя сами, а я лишь догонял их собственным голосом.

В тот вечер произошло настоящее чудо – боль в спине, которая не покидала меня несколько лет, вдруг исчезла. Я выскочил из ванны и побежал в кровать. Было только девять часов, я лег и впервые заснул раньше жены. Такого никогда раньше не было, обычно я мучился до двух-трех часов утра, смотрел фильмы или читал, так как просто не мог заснуть из-за моих переживаний по поводу всего: по поводу завтра, по поводу вчера – и так до бесконечности.

После того февральского вечера я решил узнать, на что я способен как человек, физически и духовно. Я не имел понятия, что буду делать. Я всегда любил экспериментировать и не любил читать инструкции. Мне, как и большинству мужчин, интересно разбираться самому. Вы пробовали собирать мебель из ИКЕА? Я – да, и я этого просто не переношу, особенно после случая, когда я собрал полшкафа по своему, а потом мне пришлось все разобрать и собрать снова, но уже по инструкции. В детстве я больше всего любил

играть в «Лего», в юности моей страстью стала техника, мопеды и мотоциклы, позже – компьютеры. Переделывать, тюнинговать, совершенствовать – этим я, по сути, занимаюсь всю жизнь. Если мне что-то понравилось, заинтересовало, но не совсем мне подходит, то я просто дорабатываю это для себя.

На протяжении семнадцати лет я страдал от болей в спине и в ноге. Я не знал, в чем причина, и я не понимал, за что мне эти страдания?! Я считал, что относился ко всем с любовью, считал себя благородным и честным человеком, и сердце у меня доброе, это мне говорили многие люди. Мне было обидно за себя, ведь внешне я был в хорошей физической форме, но с годами боли становились все сильнее. Сам я мог найти единственное объяснение: когда мне было девятнадцать, я тренировался с гантелями и однажды переборщил – резко поднял огромную гантель в 19,5 килограмма. Что-то хрустнуло в бедре левой ноги, там, где она соединяется с тазом. Боль была такая, что я три дня не мог ни сидеть, ни лежать, ни стоять, настолько было больно.

С тех пор к каким только врачам я не ходил: к костоправам, кайропракторам, массажистам, акупунктуристам, остеопатам, ревматологам. Одна датская кайропрактор сказала мне: «Слушай, ну и что, что у тебя болит. Ты можешь ходить ко мне раз в неделю, я буду вправлять, и будет хорошо, ведь это не самое страшное, с этим можно жить». Но меня это не устраивало, я не хотел жить от визита до визита

к врачу. Я хотел быть здоровым!

Боль периодически обострялась, и я иногда просто не мог ходить. Другой врач мне сказал, что если я не буду делать упражнения и ходить к нему, то у меня отнимутся ноги! Это меня безумно напугало. Я делал упражнения и ходил к нему какое-то время, но я ленивый, когда дело касается каких-то упражнений, которые мне не нравятся. Я не мог себя заставить делать упражнения регулярно, особенно на тот момент. Еще были те, которые советовали заняться йогой; ну, это совсем не для меня, это так скучно, но дело даже не в этом, мне просто настолько больно было делать какие-либо упражнения, что я долго не выдерживал. Да ничего особо и не помогало. Вот так я и жил: то нога, то спина, или и то и другое разом. Ничего не болело, только когда я напивался и лежал на следующий день еле живой. Почему? Теперь я знаю почему, дойдем и до этого. Но я не мог больше так жить.

В 2012 году я решил всерьез разобраться, что же это такое со мной. Мне казалось, что боль хочет захватить все мое тело: помимо ноги и спины, у меня стало замерзать и колоть в левом плече. Впервые я почувствовал эту боль, когда меня навестила мама. Мы гуляли, а я подходил к каждому столбу и выступающим углам стен, чтобы помассировать плечо. Отношения между нами на тот момент были очень напряженные, но я не имел понятия, что мое плечо может быть как-то с этим связано.

Тогда я пошел в местную больницу, и не просто больницу,

а в Вестминстерский госпиталь в Челси. Я жил в этом районе Лондона с конца 2010 года и имел право на бесплатную медпомощь, как и все остальные легальные жители Великобритании. Возможно, вам уже наскучили мои похождения по врачам, но я хочу, чтобы вы поняли, что двигало мной. Мне было тридцать три года, и я просто хотел быть здоровым. Обследовали меня пару месяцев. Брали кровь, сканировали, делали МРТ и рентген. Один местный кайропрактор посоветовал дополнительную стельку и следить за осанкой, когда я хожу. Выглядел я тогда не очень: из-за боли в ноге я хромал, и мой позвоночник искривился. Картину дополняли опущенные плечи и круглый живот. У меня небольшой рост – 170 см, и весил я тогда 80 кг.

Наконец пришел диагноз из госпиталя – артрит, да не простой, а ревматоидный, и очень редкий, такой редкий, что меня попросили пройти специальное исследование в Оксфорде, в научном центре артрита. Врач-ревматолог сказал мне, что придется сбросить вес и изменить питание: болезнь серьезная. Я сделал все, как он сказал. На обследование я ходил каждые полгода, этот врач принимал только раз в неделю в этой больнице, остальное время он работал в частной клинике, и запись к нему была на полгода вперед, а то и дольше. Через год я сбросил вес до 65 кг. Я изменил питание, следовал рекомендациям и пил таблетки, которые мне прописали. Таблетки помогали, пока я их принимал, а принимал я их все время, так как иначе мне было больно. Доктор был шо-

кирован тем, что я следовал всем его рекомендациям и что смог столько сбросить.

На одном из обследований он рассказал о чудо-препарате под названием «Хумира» (Humira), это биологический препарат, который, возможно, сможет вылечить мою редкую болезнь. «Добрый» ревматолог сообщил мне, что он сделал иск на грант и ему его подтвердили. Он так хотел, чтобы я начал лечение, что однажды лично заехал ко мне и завез другие таблетки, которые я принимал. Мне показалась странной его любезность, и я расспросил его по поводу гранта. Оказалось, каждый укол «Хумиры» стоил почти тысячу фунтов стерлингов, колоть надо было в живот раз в неделю. Доктор хотел от меня решения. Я очень хотел выздороветь, хотел быть на 100% мобильным: я же совсем молодой, – думал я. Но то, что я прочитал на форумах о «Хумире», меня испугало. Люди писали, что лучше жить с болями, чем страдать от побочных эффектов. Препарат очень сильно влияет на иммунитет, и если не повезет, то можно серьезно заболеть от простой ранки. В общем, я отказался от «чудо-лекарства», чем очень расстроил своего доктора. Конечно же, он рассчитывал получить хорошие комиссионные.

Это был конец 2013 года. В 2014-м я окончательно перестал употреблять алкоголь, и мне стало еще тяжелее, теперь я не мог напиваться и жить без боли хотя бы несколько дней. Таблетки, которые я принимал постоянно, избавляли от боли, но плохо влияли на организм, я не мог продолжать упо-

треблять их бесконечно. Мой сон стал намного хуже. Раньше, чтобы уснуть, я мог выпить пива или вина и просто отрубался от опьянения. Я стал покуривать травку, это мне помогало, но и это вредно, так как влияет на психику. Замкнутый круг, блин, а боли-то при этом никуда не пропадали.

Тогда же я начал вести дневник. На тот момент я находился в очень сложной ситуации. Хотя, когда она у меня была другой? Если посмотреть, то я был в стрессовом состоянии практически всю жизнь. Но в этот момент стресс был на максимуме. Прошло три года, как я женился, и дома было очень некомфортно, мы постоянно ругались и ссорились. Стартап, который мы начали с моим лучшим другом, не работал. Речь шла о миллионах евро, за которых я отвечал перед инвесторами. Был напруг в отношениях с моими родителями. Везде был напруг, и везде были боли.

Я искренне хотел успеха и мечтал о больших деньгах. Я предполагал, что у нас может не получиться, так как я читал много книг, написанных предпринимателями, и, по статистике, редко у кого получается с первого раза. Но это не было моим первым разом, дела, которые я начинал ранее один, всегда могли меня прокормить. В этот раз у нас не получилось, и кончилось все это дело очень болезненно и дорого. Такого минуса у меня не было никогда, как и не было никогда такого масштаба и такого бюджета.

Если бы тогда я умел слышать себя, то не подменял бы свои интересы чужими и делал бы только то, что действи-

тельно хочу. А я хотел продавать «воздух». Это должен был быть полностью электронный продукт, где нет товарного склада, нет никаких посылок и нет никакого гемора. Я собирался продавать статистику цен на недвижимость в популярных районах мира и хотел привлечь инвестиции именно для этого проекта, но не смог отказать другу, который уговорил меня предложить свой проект моему шефу. Этот проект был совсем не о воздухе, но так как у меня не было сомнений в том, что мой друг умеет зарабатывать деньги, я решил, что у нас все получится. Я ошибся. Потеря для меня была катастрофична, мне пришлось закончить дружбу с ним в конце 2015 года, на тот момент минус был уже под несколько миллионов евро. Тотальный крах настал в апреле 2016 года, когда я понял, что не смогу спасти компанию и все окончательно потеряно.

Сегодня я улыбаюсь, вспоминая те события – это были невероятно ценные для меня уроки. Правда, они очень дорого мне обошлись, но они того стоили. Благодаря этому опыту я и моя жизнь изменилась кардинально, я пишу эту книгу и могу делиться всем, чему я научился тогда.

А пока давайте вернемся немного в прошлое.

Часть первая

Почему я тот, кто я есть

Глава 1. Россия

1981 год был объявлен ЮНЕСКО всемирным годом Достоевского. К слову, мои родители очень любили этого великого русского писателя. В том же году родился я. Итак, меня зовут Федор, и это моя история.

Дом

Я родился в Ленинграде в самой обычной семье, в самой обычной коммуналке на Херсонской улице. Мы с родителями жили втроем в одной комнате, а в соседней со своим мужем жила сестра-близняшка моей матери. Ольга и Татьяна, как у Пушкина. Мне всегда казалось фантастикой, как две женщины, которые родились с разницей в пятнадцать минут, могут быть настолько разными. Они и их мать, моя бабушка, не поверите, все трое родились двенадцатого ноября. Три Скорпиона, каждая с характером, и каждая стремилась доказать свою правоту по любому поводу. Я знаю, что когда-то, возможно еще до моего рождения, они были очень

дружны, но потом все разъехались по разным странам и семейные связи ослабли.

В детстве я больше всего не любил, когда меня отправляли в лагерь или оставляли у знакомых или родственников. Все, чего мне хотелось, это просто быть дома с родителями, но у них были свои планы, в которые я иногда не вписывался. Что я чувствовал тогда: от меня хотят хоть ненадолго избавиться, наверное, потому что я плохой. Позже оказалось, что родители были в состоянии развода уже давно, примерно с трех моих лет, но продолжали жить вместе, не имея возможности разъехаться.

Дома у нас частенько собирались гости, и хотя в доме было шумно и весело, вспоминать то время я не люблю. В такие моменты я снова чувствовал себя никому не нужным. Мама не обращала на меня внимания и даже смотрела будто бы сквозь меня. Мне казалось, что если бы я исчез в один из таких вечеров, то, наверное, они бы обнаружили это только на следующий день. Еще я помню ночные кошмары и сонные видения, когда мне было четыре-пять лет. Я открывал глаза, а в комнате были какие-то страшные, черные тени. Я просыпался, но, как ни старался, не мог пошевелиться. Этот сон часто повторялся. Впоследствии сны в моей истории еще сыграют свою роль.

У родителей были разные взгляды на мое воспитание, и по этому поводу дома часто вспыхивали конфликты. Мой папа много работал, а когда у него появилась машина, мы стали

совсем редко видеть его дома. Но все-таки он старался проводить со мной как можно больше времени, хотя делал это своеобразно: брал с собой в кафе и рестораны. Его любимым местом был ресторан в Ольгино. В этом заведении, которое находилось на пути в Финляндию, в 80-е можно было встретить иностранцев и там всегда было много приятных дам. Мне очень нравилось туда ездить, и мы там оказывались часто – каждый раз, когда родители ругались. Я до сих пор не знаю причины их развода и не осуждаю ни одного, ни другого, но помню, что маму эти поездки выводили из себя. Спустя много лет она до сих пор припоминает их мне и отцу.

В отличие от папы, который меня баловал, моя мама – строгий воспитатель с жесткими принципами, от которых она никогда не отходила. Ни о каких компромиссах не могло быть и речи, даже когда я был совсем маленький. Я должен был беспрекословно есть то, от чего меня тошнило, например вонючую печень трески и холодный зеленый суп со щавелем. Фу, я до сих пор не могу это есть. Вы можете послать меня прямо сейчас, ведь мы из Ленинграда, города, который пережил блокаду и жители которого не имеют права относиться к еде с пренебрежением: есть нужно то, что дают. Я горжусь подвигом моего родного города и согласен с этой точкой зрения, но я не рос в блокаду, и многое из еды, которую меня заставляли есть в детстве, я снова начал есть лишь совсем недавно. А тогда за свои «капризы» я мог за просто получить ложкой по лбу или тарелку супа, вылитую

за шиворот.

Мама хотела, чтобы я вырос образованным человеком, и постоянно заставляла меня читать. Это сейчас в каждую поездку я беру аудиокниги, а тогда от русской классики меня тошнило не меньше, чем от щавелевого супа. Но отвертеться я не мог, мама установила наказание: я должен был прочитать вдобавок к непрочитанной еще одну книгу и потом пересказать ей. У меня по сей день трудности с тем, чтобы внятно передать то, о чем я прочитал, и это при том, что по жизни я такой «говорун», что, если начну рассказывать что-то от себя, меня просто не остановить.

Помимо книг, была у меня еще одна каторга – игра на пианино. Я терпеть этого не мог и всячески боролся, только чтобы этим не заниматься. Но меня все равно заставляли. Дошло до того, что у меня началась какая-то невиданная аллергия. Меня показывали врачам, но они только руками разводили. Кожа на пальцах моих рук трескалась до крови, мне было больно, и соответственно я не мог играть. Я помню, что тогда родители сменили педагога. Новым преподавателем музыки оказалась молодая девушка, она мне очень нравилась, и, когда мои руки зажили, с ней я все-таки заиграл. Я помню момент, когда мне уже не надо было запоминать ноты и я мог играть, читая их с листа. Это был большой прорыв, но вот пришла зима, и у меня опять стали трескаться пальцы. Помню, как та молодая учительница сказала, что мне лучше играть на ударных, так как у меня сильные руки.

Эти ее слова врезались мне в память, и в тридцать шесть лет я действительно заиграл. И не только на ударных.

Сегодня я точно знаю, что мама всегда желала мне добра и заботилась обо мне так хорошо, как только могла. Она во-все не злой человек, она очень общительная и социально активная женщина. Теперь я осознаю, что все, что она делала, она делала из любви ко мне, хотя в детстве, конечно же, мне так не казалось. И это очень распространенная история среди моих ровесников, тех, кто считает, что недополучил в детстве внимания и тепла. Наши родители просто не знали, как можно по-другому, вот и моя мама растила меня так же, как растили ее.

К этому пониманию я пришел в тридцать шесть лет, пройдя уже свой, но очень похожий путь. Как говорится, яблоко от яблони недалеко падает. Деревья тут ни при чем, хотя это хорошая символика, но дело не в чертах лица или характера, которые мы наследуем от родителей. Я хочу сказать о цикличности глубоких подсознательных программ, которые закладываются в нас с самого раннего детства и передаются из поколения в поколение. Ведь как бы я ни утверждал, что я – это не мои родители, те черты, которые меня бесят в них, – это именно те черты, которые еще больше бесят меня в самом себе. И наоборот: то, за что ругают меня мои родители, – это ровно те вещи, которые они не любят в себе. Выходит замкнутый круг, лента Мебиуса, на которой, как ни крути, не найти ни лицевой стороны, ни изнанки. Но не все

так безнадежно.

Мы не можем изменить своего прошлого, но прямо сегодня мы можем повлиять на свое настоящее и на то, чтобы будущее наших детей было другим.

До того как я начал работать над этой книгой, когда я думал о своем детстве, мне вспоминались только грустные моменты: страхи, обиды на родителей, ночные кошмары. Невеселые воспоминания вытеснили все хорошее, будто его и не было. Это было странно: я никогда не считал свое детство ужасным, однако ничего хорошего из него вспомнить не мог.

Мы так устроены, что мысли и убеждения, основанные на страхе, чувстве вины и нелюбви к себе, занимают большое пространство в нашем подсознании и глушат все остальное. Когда я начал работать над книгой, то убедился в этом. Но когда выписал все негативные воспоминания, я будто освободил место в голове, и хорошие воспоминания хлынули на освободившееся место. То есть пока я не вытряхнул из башки весь негатив, я просто не помнил позитивного.

В итоге я вспомнил вещи даже из раннего детства и увидел, что из событий одного и того же времени моя мама помнит только приятные моменты, связанные со мной, а я – наоборот. Таким образом, пока я готовил материал для книги, я вдруг увидел просветы в своем прошлом. Оно было вовсе не таким темным, как мне всегда казалось. Работа с воспоминаниями превратилась в настоящую терапию, и в результате мой фокус сместился с плохого на хорошее. Я по-дру-

гому стал смотреть на свою жизнь и на своих родителей.

Это открытие случилось в самом начале работы над книгой и в корне изменило мой настрой. Но события, о которых я здесь рассказываю, формировались исходя от того фокуса, который был у меня раньше. Вы увидите, как мое «внутреннее» отражалось на «внешнем». Я подумал: а как бы могла сложиться моя жизнь, если бы изначально фокус был на позитиве? Теперь не узнать, да и не нужно. Я убежден, что именно такой опыт был мне нужен. Ошибок не бывает, я просто должен был пройти свой путь.

Один мой знакомый, который хорошо знает мою историю, назвал ее «colorful life», то есть очень яркая, многоцветная жизнь. И правда, чего только не было в моей не такой уж и длинной жизни, прежде чем я стал тем, кем являюсь сейчас.

Но я хочу рассказать все с самого начала и прошу немного терпения.

Интернат

В первый класс я пошел в Китайский интернат № 5. Он находился в районе станции метро «Площадь Мужества», а назывался так, потому что в качестве иностранного языка здесь преподавали китайский. Дети жили здесь с понедельника по среду, потом на одну ночь отправлялись домой, и с четверга до субботы опять учеба с ночевкой. Еще до начала первого класса я узнал о том, что должен буду там ночевать,

и, конечно же, я очень боялся этого дня. Сегодня, когда я писал эту главу, я спросил маму, точно ли я ночевал там с первого класса. Она подтвердила и добавила, что у меня в то время был постоянный аллергический кашель, а когда я начал там учиться, то он прошел. Интернат мама нашла по рекомендации врача, он утверждал, что недалеко от нашего дома есть станция, которая выбрасывает много угля, что и провоцирует мой кашель.

Сейчас я знаю, что у каждого свое восприятие действительности, а значит, и воспоминания о том, что и как было, тоже отличаются. Я уважаю каждую индивидуальную реальность, ведь даже после просмотра одного и того же фильма, впечатления у людей остаются разные, не говоря о воспоминаниях столь давних лет. В этой книге я расскажу всего лишь мою личную версию того, что мне удалось ощутить.

Итак, я начал учиться в Китайском интернате. Первые два года я учился неплохо, но к концу третьего класса все пошло по-другому. В тот год в России как раз ввели 11-летнее образование, и мы из третьего класса перепрыгнули сразу в пятый. Тогда же мои родители впервые поехали за границу – мама в Польшу, папа в США. Мама уже несколько лет изучала английский язык, и вскоре у нее появился настоящий шанс его попрактиковать. Папа ездил в Америку работать, а вскоре после визитов в США попал на первый в России тренинг по саморазвитию. Тогда это была абсолютная инновация для советского человека. На одно из этих занятий папа

взял меня. Я помню, мне было десять лет, весна 1991-го, и там при всех папа мне сообщил, что они с мамой развелись. Когда я пишу это, у меня сжимается в животе, так же, как и в тот день. Мне было очень больно, и я тогда заплакал. Теперь я понимаю, насколько сложно было и папе сказать мне об этом. Это была часть тех эмоций, с которыми он работал на курсе, и сегодня для меня это абсолютно приемлемо.

В пятом классе моя учеба и мое поведение резко покатились вниз. Я стал хуже учиться, начал курить, хамил всем подряд, в общем, я изображал из себя «крутого». Мама была права по поводу Ольгино – папа меня баловал. У них был вечный спор о ценностях: у моего отца ценности были материальные, у мамы – более культурные и духовные. Если так посмотреть, то сочетание хорошее, и то и другое составляют баланс хорошей жизни, но мальчику по имени Федя, конечно, были больше интересны машины и рестораны. А мой папа просто давал мне лучшее, что мог дать на тот момент.

Это был конец 80-х и начало 90-х. Мое поколение знает, что это было за время. После развала Союза все хотели наконец-то заработать. Мои друзья и одноклассники недавно мне рассказали, что тогда я в их глазах был очень крутой, потому что у моего отца был Fiat Uno. Вы представляете себе эту машину? У нас это было круто, а в Европе это просто машинка, самая дешевая модель. Такое было время, и да, я тогда был крутой говнюк.

Вокруг нашего интерната жили ребята, местная шпана.

Все мои одноклассники были не местные. Если ваше детство прошло в 90-е, то вы должны помнить, что подростку в одиночку соваться в другой район не стоило. Ты мог получить просто за то, что находишься на «чужой территории». Естественно, мы были в постоянных контрах с местными. Мы называли их «бомжами». Не потому, что им было негде жить, а просто потому, что мы не знали, где они живут, мы-то жили в интернате.

Однажды «бомжи» кричали нам со двора, чтобы мы спустились к ним «на стрелку». Они кидали камушками в наши окна, но мы были на четвертом этаже, и никто не собирался к ним спускаться. Я помню, как я подговорил одного из парней помочиться на них из окна, и он это сделал. Это было очень смешно, только за это мы поплатились. У нас была вечерняя прогулка во дворе, и вдруг они окружили нас, я помню только крики: «Бомжи!!!», мы сразу разбежались в разные стороны, но кое-кому все-таки попало. У нас было ноль организации, и мы не были готовы к нападению. К чему я все это веду? Сейчас, сейчас... еще чуть-чуть.

Первая поездка за границу

Летом 91-го года мы с папой и сыном его друга, Денисом, поехали первый раз в США, во Флориду. Если вы были подростком в начале девяностых, вы можете представить, как я себя чувствовал. Это было самое крутое событие в моей жиз-

ни, я чувствовал себя особенным и не мог дождаться, когда же окажусь в Америке. Перелет был длинный, через Шэннон, международный аэропорт в Ирландии. Никто из нас не понимал, где находится этот Шэннон, нам просто хотелось побыстрее уже добраться до Флориды.

Я никогда не забуду это чувство. Я сейчас пишу эти строчки и вспоминаю все, как будто это было вчера. В здании аэропорта Майами было прохладно, работали кондиционеры, между нами и Америкой лишь пара автоматических раздвижных дверей. Проходим первые, нас обдает волной тепла, открываются вторые двери, и мы попадаем в настоящую тропическую жару. Моя бабушка жила в Бекабаде в Узбекистане, мы бывали там, когда я был маленький, но там совсем другая жара. Того, что я ощутил во Флориде, я не ощущал больше нигде.

Папа ехал в США на заработки, а меня с Денисом отправили в детский лагерь. Конечно же, мне было не по себе, там были только американцы и всего двое русских: я и Денис. На английском мы говорили на уровне пятого класса советской школы: «Хау ду ю ду?», «Ю андерстэнд ми?», «Паст презент перфект» – ну, вы поняли. Лагерь был в джунглях, и нас там оставили на две недели. Конечно, я тосковал, но в этот раз было не так тяжело, ведь я был не один. В этом лагере была обширная программа занятий, был тимбилдинг (тогда мы понятия не имели, что это вообще такое), мы учились готовить еду, ходили в походы. Еще нас учили справ-

латься со страхами: в альпинистском снаряжении поднимали на огромное дерево, задача была прыгнуть с него, а внизу тебя ловил инструктор. Дерево было очень высокое, я долго там стоял, в итоге зарыдал, и меня спустили.

Хоть я и не смог перебороть свой страх, этот лагерь стал для меня самым ценным событием в тот год. За две недели я выучил английский и, когда вернулся в Россию, разговаривал как настоящий американский тинэйджер. Кроме знания языка я привез из Америки еще одну великую ценность: тогда вышел первый «ГеймБой» (GameBoy), и нам его подарили: один мне, один Денису. Подарок был от американской семьи, с которой дружил мой отец. Это было просто невероятно круто, в России такого еще не видали. И я стал еще круче. Теперь говнюк Федя был с «ГеймБоем».

Прошел год, и я побывал в США еще раз. Мы были во Флориде в тот самый злосчастный день, 24 августа 1992 года, когда ураган «Эндрю» разнес к чертовой матери весь Майами. Было откровенно страшно. К счастью, нас успели эвакуировать из города, и всю ночь мы слушали, как гудел ветер.

Наутро мы увидели разгромленный город. Везде валялись разбитые лодки, яхты, мотоциклы, машины. Дома были разрушены, самолеты пострадали тоже, и нам пришлось потратить несколько дополнительных дней, чтобы вернуться в Россию. В этот раз в США мы ездили уже не одни, был друг моего отца с семьей, мой отец и его подружка со своей дочерью. Подруга отца мне очень понравилась, я помню, что, когда папа ее встретил, он был такой счастливый.

Недавно я навестил своего друга детства и одноклассни-

ка. Сейчас он крутой питерский и московский девелопер. Я попросил его рассказать что-нибудь из нашего общего прошлого. Я искал воспоминания из детства, особенно те, которые были неприятны другим людям. Я помню, что частенько вел себя по-свински, и понимал, что у кого-то до сих пор сидит обида на меня. Мне хотелось извиниться. Он рассказал мне историю как раз из того времени: «Однажды мы договорились, что ты дашь мне попользоваться своим геймбоем в обмен на деньги и фантики от жвачек “Турбо”. И вот-вот это должно было произойти, но ты внезапно отказался». Представьте, этот человек, в свои тридцать шесть лет, спустя столько времени, помнил обо мне именно это! В тот день в его офисе я упал на колени и попросил у него прощения.

Я помню, что я всегда получал то, чего хотел. Сам того не подозревая, еще в детстве я использовал техники визуализации. Например, я очень любил русский автопарк, и когда мне не хватало очередного «КамАЗа» или «Нивы», я представлял, что играю именно с этой машинкой. И она у меня появлялась. Я захотел конструктор «Лего», и вскоре он у меня был. Все, чего мне хотелось, все всегда сбывалось. Мой папа осуществлял все мои желания. По сравнению с тем, что я наблюдаю у детей на сегодняшний день, у меня было не так уж много игрушек, но тогда у меня было все, что я хотел. Папа, спасибо тебе за это, я очень тебя люблю.

Не запрещайте своим детям мечтать, не высмеивайте их желания. Не обесценивайте их интересов. Не шутите

над их грандиозными планами. Не можете искренне поддержать, тогда просто промолчите. Не убивайте их веру в себя. Сначала родители говорят ребенку: что, тебе больше всех надо? что за странные (идиотские) желания? вечно у тебя все не как у всех! А потом эти же родители ждут от своего чада выдающихся достижений. Так не бывает. А если и бывает, то достижения эти не по зову сердца, а чтобы доказать: смотрите, как вы ошибались на мой счет!

Однажды вечером (я продолжал учиться в интернате, была середина пятого класса) я поднимался по лестнице и повернул в коридор. Он соединял два корпуса и был очень длинный, я до сих пор помню старый деревянный пол и холодные голые стены. В другом конце коридора мне навстречу шел мой одноклассник Марат, и в этот момент у меня появилась мысль в виде конкретного слова, которое озвучил Марат, проходя мимо меня. Он сказал: «Салют». Ничего уникального в самом слове нет, тогда все так говорили, но я ЗНАЛ, что он сейчас это скажет, и он это сказал. Это настолько запомнилось мне, что я с тех пор заинтересовался, как же это возможно. Как я мог знать, что человек скажет именно это? С тех пор этот вопрос занимал меня постоянно: как работает эта телепатия? И можно ли ей управлять?

Переезд

Моя мама, увлеченная изучением английского, работала

в свое время в Политехническом институте на иностранной кафедре, где постоянно появлялись иностранцы. Каким-то образом мама оказалась переводчиком для туристической группы из Дании, где и познакомилась с Лизбет. Лизбет, типичная датская хиппи и очень приятная женщина, пригласила мою маму в Данию. Конечно же, мама согласилась. Весной 91-го она съездила туда, а когда вернулась и у меня начались каникулы, я поехал в Данию вместе с ней. Мне все было интересно, новая страна, у мамы был модный бойфренд с мобильным телефоном. Туда же приехала моя тетя Ольга, и мы провели там почти все лето.

Тогда со мной произошел второй случай «предвидения», который тоже запомнился мне на всю жизнь. Отец должен был забрать меня из Дании в США. За день до его приезда у меня в голове появился образ: я увидел отца в аэропорту, *как он выходит ко мне, на нем костюм и у него с собой брिфкейс*. Дело в том, что он никогда не носил ни костюма, ни брिфкейсов, я никогда до этого его таким не видел. И вот он выходит именно таким, каким я его мысленно увидел. Я был в шоке. Как это возможно? С такой точностью? Этот случай и случай в интернате укрепили мой интерес к изучению этого вопроса. Я точно понимал, что это никакая не случайность.

В шестой класс я пошел уже в Дании. Новая страна, новая школа, что само по себе уже стресс. Вдобавок я абсолютно ничего не понимал на датском языке, и каждый день в этой школе был пыткой для меня. Мама в то время фиктивно вы-

шла замуж за датчанина, это был очень приятный и порядочный человек по имени Дэвид. Познакомила их, конечно же, Лизбет. Мы жили в небольшой квартирке прямо в центре города Орхуса.

Будучи крутым парнем в русской школе, в датской я уже был просто никто. Человек-невидимка, который одевался не так, говорил не так, говорил НИКАК, ну кроме как на английском, и в целом был посмешищем. Я не был принят и даже успел несколько раз подраться с местными «пацанами». В конце концов я стал прогуливать школу. Несколько месяцев я кое-как отучился, а в конце декабря в Данию приехал мой отец. Мы отпраздновали Новый год, и он забрал меня с собой в Россию. Я испытывал двойкие чувства: я рад был избавиться от ненавистной датской школы, и в то же время мне не хотелось покинуть маму.

Я вернулся в интернат, но не прошло и пары месяцев, как меня отчислили. Помнишь «бомжей»? Без них не обошлось. В тот день я был дежурным и должен был убирать класс вместе с Маратом. Мы кое-как прибрались, и я выкинул мусор в ведро. Клянусь, там было лишь несколько бумажек на дне и всё. Помойка была прямо перед окнами нашего класса, но двери в нашем крыле были закрыты, выйти можно было только через главный вход, а это значило, что нужно было обойти весь корпус, пройти по коридору, выйти на улицу и обойти оба здания. Дело было вечером, и мы знали, что на улице мы встретим «бомжей». Тогда я предложил пойти

на пожарную лестницу и просто сжечь эти бумажки в ведре. Ведро было металлическое, синее, еще из советских времен.

Я точно уже не помню, Марат согласился сам или я его уломал, зато я прекрасно помню завуча, которая нас застукала. Дальше было похоже на кино, когда преступник попадает в полицейский участок. Завуч заставила меня что-то подписать, и меня отправили домой. Несколько дней я боялся сказать отцу, что меня отчислили. В итоге собрался с духом, все рассказал и заявил, что поеду жить в Данию к маме. Я просто боялся идти в новую школу в Санкт-Петербурге, в интернате ходили слухи, что новеньких всегда бьют. Только из-за этого страха я и решился уехать. Так началась моя жизнь в Дании.

Глава 2. Дания

Подгнило что-то в Датском государстве.

В. Шекспир. Гамлет, акт 1, сцена 4

«Не принц» датский

Я вернулся в Данию и пошел в новую школу. Она была лучше, чем та, первая: здесь было много иностранцев и все говорили на английском. Мы жили в центре, я ездил в школу на велосипеде. Вообще, Дания – страна велосипедистов.

Кончилось время крутого парня Феди. В Дании я был просто еще одним приезжим. Со мной все было не так по датским меркам: я не так одевался, у меня был непонятный юмор (я пытался переводить наши шутки на английский), были совсем другие ценности, и я не очень ладил с ребятами в классе.

Самым страшным было опоздать в школу и зайти в класс, когда урок уже начался. Мне легче было пропустить целый урок и прийти в перемену. Казалось бы, что такого, все дети иногда опаздывают в школу. Но в Дании действует «закон Янте». Не спрашивайте, что это за фигня, я сам долго не мог понять. Это как коммунизм, который исходит не от власти, а от людей. Суть его – «социальное равенство», в том смысле, если ты как-то выбиваешься из общей массы и нарушаешь правила, тебе дадут понять, что остальным это не нра-

вится. Наказание за нарушение – всеобщее презрение. Если я опоздал, значит, я особенный, я выделяюсь, и весь класс обязательно это комментирует, оборачивается и осуждающе смотрит на тебя.

Еще каждое утро было собрание, называлось Morgen Sang, что означает «утренняя песенка». Руководил этим мероприятием пузатый учитель немецкого, редкостный гандон и псих. Я его просто не переносил, и он меня тоже. Я специально опаздывал, так как не любил петь песенки, особенно на датском языке, который не понимал и на котором еще не говорил. Иногда песенки были на немецком, что тоже не повышало моего желания их петь.

Сначала я опаздывал, потом начал прогуливать уроки. Мама тогда работала в садоводстве, она вставала очень рано и ехала километров так двадцать на велосипеде, туда и обратно каждый день. Перед выходом из дома она будила меня, и я уже сам по себе собирался и уходил. Я умудрился прогулять больше месяца, подделывал записки от мамы, будто бы болею, а сам гулял по городу. Катался на велосипеде, ходил по магазинам (меня уже знали все продавцы, так как денег у меня не было, и я ничего не покупал), в общем, наслаждался жизнью. Конечно же, бесконечно так продолжаться не могло, в какой-то момент маме позвонили из школы, и я попался. Возвращаться туда было еще страшнее, чем опаздывать каждый день. Я кое-как доучился тот год, при том что мой уровень английского и математики был значительно вы-

ше, чем у одноклассников, несмотря на мои плохие успехи в России. Но, к моему большому сожалению, директор школы решил, что меня надо оставить на второй год, и те несколько друзей, которые у меня все-таки появились, перешли в седьмой класс. Никуда не уйти от баланса, по крайней мере мне. в Петербурге я перескочил из третьего класса в пятый, зато в шестом мне пришлось просидеть два года.

Мое имя в России мне не доставляло никаких неудобств, хоть оно и не особо распространено среди моих сверстников. Но датчанам мое имя – Федя – просто никак, ну никак не выговорить, я уже не говорю про фамилию. Меня дразнили и как только не называли: Федия, Феджя, Фейдья – и все потому, что я отказывался называть себя на датский манер – Теодор, ни за что! Моя фамилия – Кузнецов, в паспорте она написана как Kouznetsov. С ней было все намного хуже, никто вообще не мог это прочесть. Мое имя уродовали и искажали почти каждый день, и моя самооценка крутого пацана из Питера со временем превратилась в самооценку тихой серой мыши, которая сидела и не высовывала нос из норки.

Жили мы в центре города Орхуса, в маленькой квартирке, которая не особо отличалась от наших питерских коммуналок. У нас была своя кухня и две комнаты, но туалет и душ приходилось делить с соседями. Дома в городских центрах Дании очень старые, и изначально туалетов и ванных комнат в них не было предусмотрено, лишь со временем их встроили в коридоры. Если верить мировой статистике, Да-

ния – самая благополучная страна, где живут самые счастливые люди в мире. Считается, что в Дании нет бездомных и даже безработные могут себя прокормить благодаря пособиям. Да, это почти так. Бездомные там есть, но они сами выбирают такую жизнь и кайфуют от этого, бухают, курят, получают пособие и все у них хорошо. В Дании все дорого, и да, несмотря на это, там действительно почти нет нуждающихся, но насчет счастья я не согласен. Статистика ведь всего на пять миллионов человек, именно столько датчан во всем мире. И их становится все меньше и меньше, так как детей они не очень-то рожают. Основная тема в Дании – это экономия. Экономия на всем, особенно на тепле и воде. Я с детства привык чистить зубы под бегущую воду. Вы понимаете, о чем я? В Дании это недопустимо. Отопление тоже очень дорогое, в нашей душевой зимой был такой холод, что я часто простывал и болел из-за этой экономии. О теплой ванной я тогда мог только мечтать.

Гетто

Мы жили в этой квартирке с датским мужем моей мамы, Дэвидом. Общие друзья помогли им договориться, и он решил помочь женщине из России, согласившись на ней жениться. Со временем фиктивный брак перешел в настоящие отношения, и мы жили дружно какое-то время. Вскоре маме захотелось жилье побольше, она уговорила мужа сдать в

аренду его квартиру в центре и переехать в съемную квартиру в район под названием Брабранд. Ох этот Брабранд! Я должен рассказать подробнее об этом месте. Квартиры там были огромные и не надо платить за электричество. Это был flat rate, то есть фиксированная помесечная оплата, что позволяло не экономить на воде и тепле. По комфорту там было гораздо круче, чем в маленькой квартирке Дэвида. Квартиры здесь были со встроенными кухнями, стиральными машинами, сушилками и со своими ванными. Кроме того, у каждой квартиры был подвал и свое место на паркинге. Да и по цене это было совсем не дорого по сравнению с центром, где мы жили до этого. Просто не верилось даже. Но как же так? Почему так дешево? В чем подвох?

Это было гетто! Бетонные блочные четырехэтажки, заселенные в основном беженцами. Впрочем, на тот момент, когда мы переехали, там жили и датчане. Брабранд делился на две стороны: правую и левую. Правая сторона была населена только беженцами, целый район, куда селили людей из Ирана, Ирака, Афганистана, Палестины. На левой стороне, где заселились мы, в основном жили датчане и сомалийцы. В школу я теперь ездил на автобусе, так как ехать на велике было далеко. В том, что я остался на второй год, даже было свое преимущество – теперь я был чуть старше всех. У меня появились новые друзья, многие из которых, как оказалось, жили недалеко от меня – на правом берегу Брабранда.

Наш дорогой Дэвид вскоре сбежал, ему было не по себе

в этом месте, он заскучал по своей квартирке, и они с мамой очень мирно разошлись. Жить стало тяжелее, так как квартиру теперь оплачивала одна мама, но она как-то сводила концы с концами. Мне, правда, денег особо не давала, их просто не хватало, поэтому я начал работать. Вообще-то, первая работа у меня появилась еще до переезда в Брабранд. Я был бекситтером, то есть, по-русски, няней. Я гулял два часа с маленькой девочкой в парке, а ее мамаша платила мне за это целых 50 крон. В Дании на эти деньги можно было купить четыре хот-дога. Кстати, Дания знаменита своими хот-догами, и они там правда очень вкусные. После переезда в Брабранд я устроился работать на кухню в ресторан, которым управлял знакомый моей мамы. Я мыл посуду, чистил овощи и занимался уборкой – не самая привлекательная работа для парня, зато у меня появились карманные деньги! Благодаря этой работе я научился ответственности, так как денежки-то мне были нужны. Я мечтал о мопеде, меня тогда очень интересовало все, связанное с механикой.

Мама говорила, что когда я был совсем маленький, то я был замечательный и тихий ребенок, а вот когда я стал подростком, пошли осложнения. Мы часто скандалили, я считал себя самостоятельным, мама, естественно, так не считала. Вскоре она познакомилась со своим вторым датским мужем. Это был неплохой мужчина, типичный датчанин, очень начитанный, работал и до сих пор работает директором шко-

лы, где преподают кинематографию. Любил выпить, особенно с русскими, но при этом был очень «правильный». Ко мне он относился нормально, мотивировал меня работать и зарабатывать деньги.

Как-то раз я принес домой ружье, которое купил на собственные деньги у местного хулигана. Это было охотничье двуствольное ружье, я не собирался из него стрелять, меня просто интересовало оружие, как любого другого пацана. Мама и новый отчим нашли его у меня под кроватью. Я умолял их просто выкинуть его и забыть эту историю, но нет, как порядочный датчанин, мамин муж заявил на меня в полицию. Я долго не мог им этого простить, я был очень зол и перебрался из дома жить в подвал. Там я устроил себе кровать, и, хотя в подвале было жутко холодно, я чувствовал себя уютно. Это было мое логово, тут же стоял мой первый мопед.

В Дании на мопеде можно ездить с пятнадцати лет, мне только исполнилось четырнадцать, но ждать еще год я, конечно, не мог. Я дружил с местными хулиганами, особенно меня тянуло к ребятам постарше. Хулиганов в нашем районе было предостаточно, а вот датчан с каждым днем становилось все меньше и меньше. Однажды ночью мы гоняли на мопедах по дворам. И вдруг навстречу нам полиция. Я и еще двое парней ехали втроем на одном мопеде. Прав не было ни у одного из нас, нам пришлось кинуть мопед и бежать. Я забежал в детский садик, вокруг которого шла изгородь

из колючих кустов. Один из парней убежал, другой замер на месте от страха и его сразу поймали, а за мной пустили собаку. Самую настоящую полицейскую овчарку. Я застрял в колючках и не мог сдвинуться с места, собака подбежала ко мне и стала кусать меня за руку и за ногу, было очень больно. Подошел полицейский, но он не спешил отзывать пса, а стоял и смотрел, как он меня кусает. Потом за шкуру притащил меня к машине. У машины уже стоял мой дружбан. Полицейские сняли с него кепку: «А, датчанин? Давай, вали домой!» Повернулись ко мне: «А это у нас иностранец!» Ну, на датском они сказали совсем по-другому, они называют приезжих «перкер» (perker), это ругательство, и среди белого дня мало кто так выражается.

Меня отвезли в участок, и к истории с ружьем добавилось это задержание. Из участка меня забрал отчим, он был ужасно зол, полиция разбудила его среди ночи, и ему пришлось ехать за мной, а потом везти в больницу. Моя рука и нога распухли от укусов. Полицейская собака кусает очень больно, никому не советую испытать это на себе. Я не критикую датчан, я прекрасно понимаю, как мы сами относимся к «своим» и к «чужим». На самом деле тот вечер меня безумно напугал и изменил мое поведение. Это был хороший урок, но я, конечно, не сразу это осознал.

Чтобы зарабатывать больше, я устроился посудомойщиком к местному мяснику. Это была очень колоритная работа: кровь, жир и соответствующие запахи. Самое жуткое было

чистить жировой фильтр под раковиной. Когда его открыли в первый раз, меня стошнило прямо в него. Там был такой тухляк, просто не передать. Килограммы густого жира, которые нужно было вытаскивать руками, по-другому никак. Я надевал перчатки, сверху несколько пар полиэтиленовых мешков и выгребал этот жир. Несмотря на это, я был рад, потому что парню иностранцу с улицы было трудно получить хоть какую-то работу. У мясника я работал три дня в неделю и иногда по субботам. Через год я устроился в один офис, где убирал и наводил порядок на кухне и тоже мыл посуду. Два раза в неделю я работал в офисе и три-четыре раза в неделю у мясника. Так я проработал до девятого класса, то есть целых четыре года.

Седьмой класс я окончил в той школе, где меня оставили на второй год, а в восьмой перешел в другую. Эта школа считалась одной из лучших в городе, частная школа в хорошем районе, где жили местные богачи. Там я сразу же подружился с двумя хулиганами. Это были хулиганы не из бедных семей, а из очень богатых, то есть у них были деньги, чтобы хулиганить, так сказать, на другом уровне. Но и в новой школе я не задержался, меня отчислили за плохое поведение. Случилось это так. Вскоре после начала учебного года наш класс поехал в Германию. В Германии можно было купить все, чего хотелось молодым парням, но чего нельзя было купить в Дании. Red Bull, слезоточивый газ, фейерверки (те, которые взрываются как бомбы, очень мощные). Я тогда

даже не имел понятия, что такое Red Bull, а у одного из моих новых друзей был с собой гашиш. Отдохнули мы здорово, напились редбулла, курнули и пошли к девчонкам, но они нас сдали учителям, уж больно мы были дикие. Помню, я носился как ненормальный вокруг лагеря, где мы остановились. Кончилось тем, что один из учителей отвез нас назад на такси. Меня отчислили на следующий же день. Я был представлен инициатором всего безобразия, а других двух парней не тронули. Потом я еще долго дружил с одним из них, он был настоящий псих, но в хорошем смысле этого слова.

Я понимал, что маму и отчима уже достали мои истории с отчислениями, сам поступил в местную городскую школу и кое-как окончил восьмой класс. Учился я плохо, прогуливал и по окончании директор школы порекомендовала отправить меня в интернат. О Боже! Опять? Я еле пережил первый. Я умолял маму этого не делать, но мне поставили ультиматум: или я еду в интернат, или могу идти куда угодно. К слову, дорогой читатель, в Дании считается абсолютно нормальным, что дети примерно с восемнадцати лет платят квартплату за проживание дома или просто дома не живут.

«Во все тяжкие»: моя лайт-версия

Давайте вернемся немного назад во времени. Red Bull был запрещен, а вот алкоголь в Дании можно было свободно покупать с пятнадцати лет. Конечно же, в тринадцать мы уже

вовсю распивали спиртное и курили сигареты. Курить я начал в двенадцать лет, попробовал еще в России, до отъезда в Данию. А на мой тринадцатый день рождения меня застукала мама. Я стащил у нее пачку сигарет из блока. Пачка была у меня в кармане. До этого я брал мамину кредитку для покупки еды, и когда она попросила ее назад, я сказал, что она лежит у меня в кармане куртки. Там вместе с картой она и нашла свою же пачку сигарет.

– Ты что, куришь?

– Нет.

– А это что? Ты стащил мои сигареты?

– Нет.

– А ты что недавно летал на самолете и был в Duty Free?

Упс. Сигареты-то были импортные.

– В общем, ты можешь курить, это дело твое, но мои сигареты брать нельзя!

– Понял.

Итак, я «официально» мог курить и пить в тринадцать лет. Конечно, до четырнадцати я пил очень редко, а вот после понеслось. Начались походы на дискотеки, и я не пропускал ни одной. У меня был один друг, точнее, я считал его другом, а он просто был чувак, который использовал меня. Он был крутой, он был старше, и он был популярен. Я был серая мышь, но у меня были деньги, я же работал, а он нет. Когда мы были вместе, платил всегда я. Но меня все устраивало, я

ходил с ним в места, куда без него просто не попал бы.

Конфликтов я всегда избегал, если в России я без проблем мог за себя постоять, то в Дании все было иначе. Но я особо никуда и не лез, крутые парни разбирались между собой, я просто был в стороне. У меня всегда были деньги и всегда были сигареты, меня не трогали! Умение постоять за себя, по моему опыту, очень зависит от владения языком. Датский язык трудный, и я долго говорил на английском. Конечно, я общался и с датчанами, но на тот момент почти все мои друзья были иностранцами. У меня было преимущество, что я мог хорошо говорить на английском. Второе преимущество, что в Дании не дублируют кино, у них субтитры. Я смотрел американские фильмы и читал субтитры. Именно так в течение нескольких лет я выучил датскую грамматику.

Настал день, когда меня отвезли в интернат. Он был в часе езды от Орхуса. Мне пришлось уйти с обеих моих работ, и денег совсем не стало. Отчим и мать давали мне деньги на карманные расходы, но это были гроши по сравнению с тем, что я зарабатывал сам. Я пишу сейчас это и понимаю, что все это, как говорят англичане, «luxury problems». Есть столько семей в мире, которые вообще ничего себе не могут позволить, и тут я со своими мелкими проблемами. Но я был избалован, как считала моя мать, с самого детства моим отцом. Да, было такое, но я тут ни при чем, да и мой отец делал это исключительно из любви.

Надолго меня в том интернате не хватило, я умолял маму

вытащить меня оттуда и предлагал разные варианты, готов был сам устроиться в местную школу. Ответ был: «Нет, ты должен доучиться!» Должен! Должен! Должен! Это я слышал всю жизнь. Я все время что-то был должен: то родителям, то школам, то еще кому-то. Я тогда сказал маме, что если она меня не вытащит отсюда, то я сам себя вытащу. На этой почве мы сильно поругались, и, конечно, она ничего не сделала. Но интернат я вскоре покинул.

Почти каждую неделю часть учеников из девятого и десятого классов ходили в местный городок выпивать. В один вечер, вскоре после нашего с мамой скандала, нас собралась большая компания. Обычно, погуляв, мы тихо возвращались в интернат и расходились по комнатам. Но в этот раз мы переборщили с алкоголем и спалились, когда пробирались обратно. Меня поймали, так как мне было плохо и меня тошнило. Пошел шухер по всему интернату, и оказалось, что почти четверть школы была пьяна. На следующий день администрация устроила массовую казнь. Отчислили около тридцати человек. Неумышленно, но я снова устроил себе освобождение из интерната. А заодно и всем остальным. Хотя, кто его знает, может, те, кого отчислили вместе со мной, тоже не хотели там быть, раз пили, я не знаю. Теперь я боялся возвращаться домой, и не зря боялся. Мама и отчим встретили меня, мягко говоря, без восторга. Мне сказали, что если я не устраюсь в школу, то могу искать себе другой дом.

Я умудрился добиться встречи с директрисой из моей

предыдущей школы. Да, той самой, которая порекомендовала отправить меня в интернат. Я стоял на коленях в ее кабинете и умолял взять меня назад. Я не помню, что я ей наплел, но она согласилась, и я доучился там девятый класс. В Дании, как и в России, в обязательной образовательной программе девять классов. Потом можно идти в десятый или сразу в гимназию. Я не хотел больше учиться, я хотел работать, быть самостоятельным и как можно быстрее свалить от мамы с отчимом. Я вернулся к мяснику, хотя в принципе его особо и не покидал. Пока я был в интернате, подрабатывал у него иногда по субботам, мы не разорвали связь. На полное время нормальной работы в моем возрасте было не найти.

Осенью я начал учиться в бизнес-колледже. Туда можно было поступить после девятого класса, и там платили стипендию. Если честно, я там учился только ради стипендии, плюс подрабатывал. Днем ходил в колледж, а после обеда на работу к мяснику. Все мои дружки в это время гуляли. Я тоже хотел гулять, и иногда бывало, что я приходил к мяснику в состоянии, что называется, «в хлам». Еле стоял на ногах и мыл посуду. Мясник тоже любил выпить, в холодильнике с тушками всегда стоял ящик пива, а то и два. Примерно за пятнадцать минут до закрытия лавки он открывал первую бутылку пива. И всегда открывал одну для меня. Или просил меня открыть обе и ждать, пока он обслужит последних клиентов. В целом мне нравилось работать у него, он был порядочный человек, и я многому научился у него. Сейчас

я пишу это, и, хотя я давно бросил пить алкоголь, память о холодном пиве и сигарете после тяжелой работы заставила меня смеяться. Я помню в точности, как это было на вкус. Иногда, закрыв лавку, мы шли в местный бар, где продолжали, а потом я садился на мой мопед и летел домой. В прямом смысле, я летел. В тот год я кое-как доучился.

На следующий год я поступил в техническое училище, где тоже платили стипендию, но побольше, чем в колледже. Это была школа для тех, кто, как и я, не мог или не хотел учиться. Нас учили работать с металлом и деревом, с электрикой и авто. Но вся суть была в том, что училище устраивало студентов на работу. Конечно, в основном это были низкооплачиваемые должности. Мне предложили работу на фабрике металлоизделий. Преподаватель, который меня туда посылал, сказал мне странную вещь: «Ты только оттуда не убегай». Я тогда не понял, что он имел в виду, но начал там работать. Это была старая грязная фабрика, где прессовали металлические изделия. В первый месяц моей работой было сверлить отверстия. У меня и так-то не очень хорошо получалось, а после первой зарплаты я просто сломался. Это была сложная работа, и это было впервые, когда я попробовал работать на полную ставку, о чем так мечтал. Только зарплата там была чуть больше, чем моя стипендия до этого. Мне хотелось рыдать, когда я увидел, сколько вычли налогов и всякой другой фигни. В Дании налог минимум 40%, плюс еще всякая байда, выходит около 50%. Просто грабеж. А у тех,

кто зарабатывает много, налоговый вычет составляет почти 65%. Тогда я понял, что имел в виду мой преподаватель. И сбежал.

Я вернулся назад в школу, в то место, откуда попал на фабрику. Просил прощения и просил преподавателя взять меня назад. Он был очень хороший мужик, добрый и порядочный. У меня никогда не было проблем попросить прощения, если я накосячил. *Самое ценное, что я понимал уже тогда, – это нести ответственность за свои действия, признавать ошибки и просить прощения от сердца, неважно, какой будет исход.* И он взял меня назад, а вскоре нашел мне новую работу в порту. Но работа была не на полное время, это был парт-тайм со второй половины дня. В конце августа я вернулся в бизнес-колледж, взял там следующий курс, днем учился, а вечером работал в порту.

К тому времени я съехал от мамы и отчима – отец помог мне арендовать свою собственную квартиру. Под конец года я решил бросить колледж и перейти работать в порт на полное время. Но из-за моей бурной ночной жизни я не мог вовремя вставать по утрам и часто опаздывал. На меня стали косо поглядывать.

В конце концов я понял, что хочу изменить свой круг общения и привести себя в порядок. Я был недоволен моей ситуацией и своей жизнью в целом. И у меня появилась идея. Чего боится каждый молодой парень в России? Ну, я не знаю, как сейчас, но в то время, даже будучи в Дании, я боялся повестки из военкомата. Так как дела на работе шли не очень хорошо, я решил сделать ход конем и сказал шефу, что собираюсь идти в армию, и просил его оставить место для меня после службы. Он согласился, и я ушел с работы.

В Дании тоже был призыв, но на момент призывного возраста я еще не был гражданином этой страны, а на неграж-

дан призыв не распространялся. Когда я решил добровольно пойти в армию, я уже получил гражданство благодаря маме. Армия в Дании – это санаторий по сравнению с Россией, да и еще деньги платят. В военкомате мне сказали, что граждане Дании, родившиеся в другой стране, должны письменно обратиться к королеве и получить разрешение на службу в армии. Я написал такое письмо, прошло немного времени, и я получил ответ. Мне разрешили. И вот я снова пришел в военкомат. Медкомиссия – все отлично, прошел в другой зал, где была какая-то теория, – тоже все прошел, и под конец нужно было тянуть билетик. И угадайте, какой я вытянул? Конечно же, «белый билет». Члены комиссии посмотрели на меня и чуть ли не хором спросили: «Ты точно хочешь идти?» – «Да!» – гордо ответил я.

Идти по контракту в армию я должен был в августе. Но чем меньше оставалось времени до конца лета, тем больше я понимал, что в армию я идти больше не хочу. У меня появились новые друзья, с которыми мне было интересно. В общем, я понял, что погорячился с армией. Я сел и написал письмо в казарму, в которую должен был явиться. Написал, что я извиняюсь, но я уезжаю жить в Россию. Я решил, что переезд в другую страну будет лучшим объяснением моей неявки, чем то, что я просто «передумал». Отправил письмо и со спокойной душой решил закончить учебу в том самом бизнес-колледже, который я так и не окончил. Мне нужна была стипендия, у меня совсем было туго с деньгами, и я

не знал, как мне заработать их легальным способом. Нелегальным способом зарабатывать я не хотел. Вокруг меня был один нелегал, и, с одной стороны, я хотел в армию, чтобы уйти от всего этого, а с другой стороны, мои новые знакомства впервые были настоящими, а не бездушными, как я это видел у датчан. Но в армию я точно перехотел идти.

И вот настал август, в казарму я не явился, а начал учебу в колледже. Я успел отходить неделю и познакомиться с одноклассниками. Когда мне выплатили стипендию, я решил оплатить давний штраф за превышение скорости. Я подумал: дай-ка зайду на станцию полиции и заплачу прямо в их кассу, пусть видят, какой я ответственный. Добрая тетя ввела мои данные в компьютер и сказала: «Один момент, я сейчас вернусь!» Вернулась она с двумя полицейскими, которые приняли меня прямо там, на месте. Я не успел даже позвонить кому-нибудь. Мне ничего не объяснили, кроме того, что я в розыске. Я ничего не понимал, я ничего такого не делал, за что меня должны были разыскивать. Прошло пару часов, я сидел в камере, и вдруг дверь открылась. Там стояло двое солдат, и они были очень злые. Это была военная полиция. Без разговоров они взяли меня под мышки, вытащили на улицу и затолкали в минивэн. Я пытался с ними заговорить, но мне было сказано закрыть рот и молчать. По пути я понял, что меня забрали за неявку. Мы приехали в казарму, и меня посадили в местную камеру. Там я быстро наладил диалог с охранниками, так как я не скандальный че-

ловек, я принимал ситуацию, но все же хотел знать, что мне светит. Мы разговорились, я признался охранникам, что пошел учиться, и так как я был не по призыву, а самостоятельно пришел в армию, то был уверен, что самостоятельно мог и отказаться от нее.

Почти в одиннадцать вечера приехал полковник, и меня отвели к нему. Его фамилия была Лунд, это был очень представительный мужчина лет семидесяти. Он сидел за письменным столом, заваленным папками и бумагой. Полковник открыл ящик и достал мое письмо, то самое, где я написал всю эту байду про Россию. Я на самом деле скучал по России и иногда фантазировал, что уеду обратно. Но всерьез ехать я не собирался. Я попросил прощения за это письмо и признался, что не знал, что написать, я действительно передумал и был уверен, что могу отказаться, раз пришел добровольно. Я рассказал полковнику, что поступил в колледж и хочу там учиться. Он слушал мою болтовню, а я не затыкался. Выслушав меня, полковник сказал, что контракт был заключен, и я обязан был явиться лично. Теперь по закону мне грозила неделя в камере – ровно тот срок, пока меня не было, надо было отсидеть. Может, моя искренность подкупила его или он сам по себе был очень добрый человек, но полковник Лунд отпустил меня. Даже отвез на вокзал и дал денег на поезд. С собой у меня не было ни гроша, я отдал все деньги за штраф, а кошелек с тем, что у меня было, остался в машине. Спасибо тебе, дорогой полковник Лунд, я понимаю, что этой

истории можно было избежать, но прошлое не изменить и нет смысла даже и думать об этом. Этому я научился!

Я всегда ко всем относился с открытым сердцем, всегда говорил все как есть, а частенько даже говорил слишком много, но вот такой уж я получился. Я искренне не видел, как это мне вредило и вредит иногда по сей день. Я знаю, что причина моей болтовни – неуверенность в себе и желание показать, какой я хороший и классный. Это происходило неосознанно, поверь, дорогой читатель. Это была не показуха, а программа, которая осталась с детства. «Я люблю тебя, если ты ведешь себя так, как я хочу». Мальчики и девочки, которые давно выросли, но продолжают таким образом заслуживать к себе любовь, поймут, о чем я говорю.

Я был «хороший парень», но у меня была одна большая проблема. Я не умел говорить «нет». Я боялся, что людям будет неприятно или они обидятся. Этим пользовались все, кому было не лень. Ребята, с которыми я тогда общался, очень хорошо умели говорить «нет». Они все были, что называется, «альфа-самцы». Я не хочу сказать, что это решающий фактор, но точно один из них. Еще одно качество альфы – это умение высказывать свое мнение, неважно, негативное оно или позитивное. Особенно если оно негативное. Это искусство – прямо высказать свою точку зрения так, чтобы не обидеть оппонента.

Говорить «нет» можно по-разному. Можно говорить «нет» с улыбкой, можно говорить без улыбки, важно при

этом чувствовать тепло в животе, а не страх. Можно говорить «нет» многими способами, главное – уметь его говорить. Если хочешь взять под контроль свою жизнь, придется научиться отказываться от ненужных или неприемлемых для тебя вещей, иначе все кому не лень будут ездить на тебе.

Об этом я узнал от моей замечательной мачехи, когда в этом же году я поехал в Россию на Новый год. Благодаря мачехе и отцу я набрался в этой поездке сил и мотивации возобновить учебу всерьез. Мне нужен был десятый класс, чтобы получить возможность поступить в вуз. Тогда я не только научился говорить «нет», я научился ставить цели и начал вести дневник.

Итак, я все-таки поступил в десятый класс. Это был ускоренный класс для взрослых. За учебу взялся с энтузиазмом и даже получал стипендию. Кроме того, мне помогал папа, он каждый месяц высылал двести-триста долларов. В Европе это небольшие деньги, но вместе со стипендией эта сумма позволяла мне жить и ничего не предпринимать, чтобы заработать денег. Окончив школу, я отказался от помощи отца, такое решение мне было необходимо, чтобы снова начать зарабатывать самому.

Школу я окончил хорошо, даже математический экзамен сдал почти на отлично и на следующий год поступил в гимназию. Вы спросите, откуда такое рвение к учебе? Помните историю с военкоматом? Теперь я был вынужден учиться,

иначе мне бы пришлось идти в армию. Во время учебы в гимназии я устроился работать в компьютерный магазин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.